
Е. П. ВОРОБЬЕВ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1861–1904 ГОДАХ

Статья посвящена анализу ментальных особенностей крестьянского протеста. На основе архивных документов выявляются закономерности поведения крестьян в ситуации конфликта с властями или помещиком. Делается вывод о росте рационализма в выступлениях нижеволжского крестьянства в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: *крестьянское движение, социальная психология, Саратовская губерния, Астраханская губерния, община.*

Взаимосвязь психологии крестьянства и его социальной борьбы изучена пока слабо. Работы дореволюционных исследователей не опирались на достаточную методологическую базу, да и сам термин «социальная психология» возник лишь в начале XX века. Советские историки главное внимание уделяли экономическим причинам крестьянских выступлений и влиянию революционных организаций.

Самостоятельным предметом социально-психологического изучения российское крестьянское движение сделалось только в 1980-е годы (Сухова 2008). Важным обобщением достижений советской исторической науки стала монография П. С. Кабытова, В. А. Козлова и Б. Г. Литвака (1988). Исследователи выявили содержание и динамику массового сознания крестьянства в пореформенные годы, рост организованности крестьянских выступлений в начале XX века. Однако многие историки продолжали анализ общественных настроений в период Первой русской революции, мало затрагивая 1861–1904 годы (Ниякий 1981; Сенчакова 1989). Исключение составляет книга В. Н. Фурсова (1984), в которой рассмотрены социально-экономические основы изменений крестьянской психологии, монархические взгляды крестьян, их реакция на реформы.

В 1990-е годы появились работы, исследующие ментальные черты крестьянских выступлений (Бокарев 1996; Буховец 1996;

Булдаков 1997). Авторы пришли к выводу, что крестьянское движение обуславливалось не только ухудшением материального положения деревни, но и представлениями крестьян о причинах этого процесса.

В последние десятилетия механизмы возникновения социального протеста и массовых беспорядков подробно изучались историками, психологами и социологами. Было показано, что революционные потрясения происходят на фоне предшествующего повышения уровня жизни, которое часто сопровождается опережающим ростом потребностей и ожиданий и, соответственно, массовой неудовлетворенности. На этом фоне относительное ухудшение ситуации провоцирует фрустрации и всплеск агрессии. Дополнительным импульсом для социального взрыва становится снижение детской смертности и увеличение доли молодежи в демографической структуре населения (Davis 1969; Goldstone 2002; Назаретян 2005; 2015; Гринин 2012; Коротаяев, Зинькина 2011; Шульц 2014).

Данные выводы подтверждаются фактическим материалом, отражающим развитие событий в Нижнем Поволжье. Неурожаи, голод, эпизоотии в регионе не всегда приводили к подъему крестьянского движения. В 1870-х годах, когда саратовская деревня сильно пострадала в результате пожаров и неурожаев, крестьянские выступления носили единичный характер. Подобная картина наблюдалась и в начале 1890-х годов, в период голода в Астраханской и Саратовской губерниях. Вопреки типичным суждениям советских исследователей (Бабиков 1954; Найденов 1955; Хамитбаева 1985), бедствия не вызывали усиления крестьянского протеста. Напротив, повышалась зависимость крестьян от власти, которая оказывала помощь нуждающимся селениям.

Заметное влияние на крестьянские выступления оказывали коллективные настроения: недоверие к чиновникам и помещикам, страх ошибиться при определении поземельных отношений, тревога за будущее. Вероятность выступлений возрастала, если крестьяне сталкивались с несправедливостью со стороны помещика или властей. Так, крестьяне Сухо-Карабулакской волости Саратовского уезда видели причину своих проблем в присвоении помещиком принадлежащей им земли. На протяжении 1878–1892 годов они обращались в суды и к начальству, захватывали спорные участки, вступали в противоборство с полицией и военной командой (ГА РФ. Ф. 102.

2 д-во. 1890 г. Д. 58. Ч. 7. Лл. 1–57). Крестьяне не жалели сил и средств, чтобы добиться справедливости, даже если это не приносило им ощутимых результатов. Некоторые выступления начинались из-за недостатка в наделе сельского общества нескольких десятин земли.

Несмотря на усиление имущественного расслоения среди крестьянства, в социальной борьбе проявлялось единство действий общины. В Нижнем Поволжье за период 1861–1904 годов нами отмечено только 8 случаев из 473 выступлений, в ходе которых часть крестьян отказывалась поддерживать большинство (Воробьев 2002). Такая сплоченность не исключала противоречий среди участников выступлений. В официальной документации упоминаются «благоразумные и дальновидные крестьяне», «благомыслящие крестьяне», «старики и благоразумные», которые были готовы выполнить требования чиновников. Однако в редких случаях они отказывались поддержать общину в противостоянии с помещиком или властями.

Значительную роль в вовлечении крестьян в выступления играл конформизм, который был подкреплен зависимостью от общины. В трудную минуту без помощи «мира» крестьянину и его семье грозила голодная смерть. Зажиточные крестьяне могли разориться, должностные лица самоуправления – не избраться на следующий срок и т. д. Поэтому индивид выполнял решения общины. Так, весной 1861 года помещица Сивкова отмечала по поводу невыполнения барщины в с. Бык Балашовского уезда Саратовской губернии: «...есть впрочем среди крестьян и добросовестные люди, но они не смеют выказываться противу толпы и обязаны общим приговором действовать заодно» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1511. Л. 34 об.). Страх перед «миром» не давал состоятельным крестьянам с. Чечуйки Саратовского уезда внести свою часть недоимки по выкупным платежам (РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 6972. Л. 5). Таким образом, те общинники, которые не одобряли участия в социальной борьбе, все равно ее поддерживали.

Крестьянский конформизм возрастал в кризисных ситуациях. Угроза благополучию общины усиливала желание действовать вместе, увеличивалось давление группы, что выражалось в угрозах и угрозах. В трех из восьми случаев раскола «мира» в ходе социальной борьбы общинники, поначалу не участвовавшие в выступлениях, затем к ним присоединялись.

Практика общинной жизни способствовала приоритету коллективных интересов над частными. Сельское общество вмешивалось в хозяйственную и даже семейную жизнь крестьян. При этом, однако, каждый домохозяин участвовал в принятии решений. Такое положение дел было одинаковым для всех общинников и поэтому казалось справедливым. В силу того, что индивид подчинялся воле общины, он требовал ее выполнения другими членами «мира».

Принятое большинством решение считалось законным, убеждало в правоте. Эта черта крестьянского движения проявилась в конфликте между крестьянами с. Верхняя Добринка Камышинского уезда Саратовской губернии. «Мир» требовал от товарищества, купившего участок земли в 918 десятин, разделить его на всех на основании того, что членов товарищества меньше, чем общинников (ГА РФ. 102. 3 д-во. 1902 г. Д. 1. Ч. 22. Лит. В. Лл. 15–17).

Чиновники, направленные усмирять крестьянскую борьбу, отмечали в донесениях сплоченность крестьян (ГА РФ. Ф. 109. 4 эксп. Оп. 201. Д. 229. Л. 28; РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 42. Лл. 21 об., 65, 99 об.). Следовательно, можно говорить не только о конформизме, но и о коллективном характере выступлений, который был присущ всем формам крестьянской борьбы 1861–1904 годов в Нижнем Поволжье, за исключением поджогов и покушений на жизнь землевладельцев и управляющих имений.

Попытки власти иметь дело не с «миром», а с его представителями противоречили духу общинного коллективизма. Поэтому крестьяне отказывались избрать уполномоченных для проверки уставных грамот. Рядовой общинник, ощущая свою слабость перед начальством, не желал вести с ним дело в одиночку. Так, в феврале 1877 года крестьяне с. Дурникино Балашовского уезда Саратовской губернии отказывались идти по одному к исправнику для расспросов о беспорядках (ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 685. Лл. 2–3 об.).

Крестьянский коллективизм проявлялся в требовании равной ответственности за участие в выступлениях. Однако наказание всех участников выступления было невозможно, ведь арестованных домохозяев целой деревни надо было где-то размещать, кормить, охранять; они не могли платить налоги и выполнять сельскохозяйственные работы. Поэтому власти были вынуждены применять для успокоения массовых выступлений телесные наказания, а не скрупулезно выявлять зачинщиков. Вероятно, крестьяне понимали

трудности, возникающие при аресте значительного числа людей, и пользовались этим, говоря: «коли арестовать так всех», «пусть сажают всех», «бери всех, мы все хотим отвечать» (ГА РФ. Ф. 109. 4 эксп. Оп. 202. Д. 222. Л. 38 об.; Оп. 207. Д. 89. Л. 32; ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 685. Л. 2 об.).

В социальной борьбе крестьян прослеживается эффект ингруппового фаворитизма. Перед третьей стороной крестьянин принимал сторону однообщественника, не останавливаясь перед обманом. Поэтому «мир» характеризовал своих арестованных членов с положительной стороны. Так, крестьяне с. Турков Балашовского уезда Саратовской губернии писали в приговоре от 18 мая 1877 года о зачинщике беспорядков в селении М. Беякове, что «он поведения хорошего к домохозяйству рачительный под судом и следствием не состоял и не состоит» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 20. Л. 30). Однако полиции было известно, что Беяков увлекался азартными играми и неоднократно судился волостным судом.

Коллективизм предполагает высокую степень осознания индивидом целей группы. О высоком уровне сознательности свидетельствуют элементы организованности в крестьянском протесте. Организованное начало в крестьянское движение вносили революционеры. Так, созданные при участии неонародников крестьянские группы в Петровском уезде Саратовской губернии в 1902–1903 годах принялись выжигать близлежащие имения (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1220). Крестьяне поджигали имущество, руководствуясь в том числе личными обидами. Они завидовали богатству землевладельцев, особенно выходцев из низших сословий, разбогатевших на их глазах. Поджоги были не только следствием крестьянского малоземелья, но и мстью за махинации при операциях с землей, за аморальное поведение землевладельцев, которые, с одной стороны, угощали крестьян водкой, заступались за них на публичных собраниях, а с другой – при малейшем удобном случае наживались за их счет. Помещиков, которые хорошо относились к крестьянам и помогали им, они не трогали (ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1902 г. Д. 1. Ч. 22. Лит. В. Л. 97).

В большинстве выступлений организующую роль играла община. Крестьяне использовали для координации своих шагов мирские сходы, на которых принимались решения, разрабатывались варианты действий, выбирались ходоки. Например, крестьяне

с. Сухой Карабулак и д. Ключи Саратовского уезда в 1890–1892 годах выработали план борьбы за отнятую помещиком землю, который включал в себя обращение в различные судебные и административные инстанции, апелляции к царю, захват земли и объединение усилий с другими селениями (ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1890 г. Д. 58. Ч. 7; 1891 г. Д. 66. Ч. 7).

С сознательностью крестьянского протеста связан вопрос о роли алкоголя в выступлениях. Местные чиновники подчеркивали, что часть государственных преступлений совершалась крестьянами под влиянием вина (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 158. Л. 30; ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 18. Л. 136; Д. 32. Л. 48). В источниках выявлено семь указаний на употребление спиртных напитков во время крестьянских волнений в Нижнем Поволжье. По свидетельству исправника, весной 1862 года при самовольной смене старшины в Голицынской волости Аткарского уезда Саратовской губернии толпа, защищавшая зачинщиков выступления, была пьяна. Крестьяне лезли прямо на штыки и настойчиво требовали выдачи вожakov. В результате столкновения зачинщиков удалось на время освободить из рук полиции (РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 42. Л. 107 об.).

В декабре 1883 года для защиты виновных в порубке помещичьего леса крестьян с. Семеновка Царицынского уезда явились жители села и требовали ведро водки. Затем участники выступления отправились рубить господский лес (ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 27).

В декабре 1889 года при появлении эпизоотии в с. Быково Царевского уезда Астраханской губернии исправник доносил о нежелании крестьян забивать больной скот и выражал опасение, «что под влиянием вина в первые дни праздника упорство перейдет в сопротивление» (ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1889 г. Д. 34. Ч. 43. Л. 12). Чиновник сообщал о возможном развитии ситуации и, видимо, чтобы оправдать свою неспособность помешать выступлению, приписывал его возникновение влиянию алкоголя.

15 мая 1896 года во время праздника по случаю коронации Николая II начались беспорядки в с. Красный Яр Камышинского уезда Саратовской губернии. Крестьяне захватили и выпили 170 ведер водки, оказав при этом сопротивление полиции. В дальнейшем выступление выразилось в препятствовании аресту зачинщиков (ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1896 г. Д. 15. Ч. 33. Лл. 1–10 об.). В этом случае опьянение оказало существенное влияние на поведение крестьян,

и лишь необходимость проведения полевых работ заставила их успокоиться.

На ярмарке в с. Макарьево Балашовского уезда 8 июля 1902 года крестьяне поговаривали, что «они только ожидают открытия винной лавки, затем напьются водочки для смелости и начнут бунтовать, причем первых будут бить казаков, а потом полицию». За три часа было продано алкоголя на 80 рублей. Оживленная торговля вызвала беспокойство властей, и лавку закрыли, после чего рядом с ней собралось около 50 человек, восклицавших, что «для смелости надо еще выпить» (ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 108. Л. 77 об.). В этот день в селе произошло столкновение крестьянства с казачьим отрядом, получившее в советской историографии название «битвы мужиков с казаками» (Гусятников 1959: 124). В нем принимала участие значительная часть бывших на ярмарке крестьян, и не все из них были посетителями питейных заведений. Нетрезвые участники выступления могли ускорить развитие событий, быть зачинщиками драки, но нельзя объяснить возникший конфликт лишь их действиями. Корни его лежат и в неприязненном отношении крестьян уезда к казакам, которых власти использовали для подавления крестьянского протеста.

В 1902–1903 годах крестьяне, входившие в революционную организацию Петровского уезда Саратовской губернии, во главе с Гришиными и Кагиными перед совершением поджогов часто пили водку. При этом зажиточные крестьяне угощали молодежь, которая и осуществляла «зажигательства» (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1220. Лл. 7 об. – 8). Такие угощения подталкивали молодых крестьян к выполнению указанных в революционной литературе задач.

17 мая 1903 года пятеро жителей с. Апраксино Сердобского уезда Саратовской губернии, выпив за обедом водки, явились в сад помещика Волконского, стали топтать цветы, бить стекла в доме, крича, что земля принадлежит им. Другие крестьяне, работавшие в экономии, не пытались утихомирить буянов, молчаливо одобряя их действия (ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1903 г. Д. 1. Ч. 74. Лит. В. Л. 3). Несколько нетрезвых людей выражали общее настроение крестьянства уезда.

Несмотря на желание чиновников подчеркнуть влияние алкоголя на возникновение социальной борьбы и приуменьшить тем самым сознательность ее участников, случаи активной роли не-

трезвых крестьян в выступлениях редки. Крестьянскую массу, которая долго сопротивляется распоряжениям властей, трудно обвинить в постоянном пьянстве. Фактор алкогольного опьянения проявлялся в крестьянском движении эпизодически, он повышал эмоциональный фон выступлений и вероятность применения насилия.

Степень сознательности членов общины во время выступлений была неодинаковой. Вожаки, грамотные крестьяне, должностные лица имели более развитые представления о целях борьбы, возможном наказании за неповиновение. У обычного крестьянина сознательность могла быть низкой, он верил вожакам и считал, что их действия направлены во благо «мира». В этом проявлялась некоторая наивность крестьянства, не замечавшего, что ходоки, уполномоченные, вожаки нередко преследуют корыстные цели.

Сознательность крестьянина снижалась во время массовых выступлений, действующим компонентом которых являлась толпа. В ней у каждого индивида возникало желание действовать в соответствии с поступками других, а общее поведение определялось позицией лидеров и мерами противоположной стороны. В толпу через эмоциональное заражение вовлекались присутствующие крестьяне, даже те из них, кого возникшие проблемы мало затрагивали. Индивид становился готовым к немедленному действию в ответ на значимую информацию или событие.

Среди типичных черт крестьянского движения исследователи выделяют стихийность. Рассмотрение этого явления в советской историографии было основано на концепции В. И. Ленина о соотношении сознательного и стихийного факторов в классовой борьбе, детальный анализ которой дан Б. Ф. Поршневым (1979). В соответствии с ней в революционном движении прослеживается взаимодействие стихийности и сознательности, причем последняя развивалась из стихийности и преодолевала ее. Следовательно, данные явления противоположны по своей сути.

По мнению Поршнева (1964: 310), стихийность – это отсутствие явного и правильного сознания классовых интересов и конечных задач борьбы. Отсюда вытекает, что в данной черте проявляется слабость крестьянского движения. Например, П. А. Зайончковский (1968: 213) считал, что «вера крестьян в царя и бога, являвшаяся выражением стихийности движения, была одной из основных причин, которая дала возможность правительству сравнительно легко подавить сопротивление крестьянства».

Определение стихийности по критерию «правильного» осознания крестьянами классовых интересов и задач борьбы привело к преувеличению роли стихийного фактора в крестьянских выступлениях. Советские историки считали, что интересы и цели крестьянства «сознательны», если являются революционными. Борьба крестьянства за улучшение хозяйственного положения без стремления к ниспровержению общественных порядков попадала в разряд стихийной, несознательной.

Пересмотр традиционной для советской историографии точки зрения наметился в работе З. К. Янель, заметившей, что слабость крестьянскому движению придавала разрозненность, вносимая в него социальной средой (1980: 149–150). Стихийность часто сообщала силу, массовость социальному протесту крестьянства. Она не исключала самоорганизации крестьян: выделения вожаков, посылки ходяков в другие селения, создания незаконных органов управления. Все эти действия, по мнению Янель, не выходили за рамки стихийности, так как вытекали непосредственно из опыта борьбы, а не являлись теоретической мировоззренческой установкой, выработанной идеологами вне движения.

Стихийный фактор в наибольшей степени проявился в крестьянской борьбе 1860-х годов. Это нашло выражение в низкой рациональности выступлений. Нижневолжские крестьяне упорствовали в своих требованиях в присутствии войск, когда было ясно, что их борьба обречена на поражение. Так, при освобождении крепостных князя Васильчикова в Балашовском уезде Саратовской губернии они отказались от выгодных предложений помещика в расчете получить всю его землю. В 1862 году крестьяне с. Одоевщина и д. Чауши Хвалынского уезда дерзко говорили начальству в лице мирового посредника: «...мы тебе приказываем переменить старосту» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 42. Л. 17). При этом они не понимали, что отдавать такие приказания не имеют права. Безотчетность действий, непонимание их последствий, нереальность целей подтверждают стихийное развитие крестьянской борьбы.

Недостаток расчета, разумного начала в части крестьянских выступлений повышал роль в них эмоционального фактора. Отчаяние, месть, злость, ненависть становились движущими силами крестьянского протеста. В с. Чигонак Балашовского уезда Саратовской губернии летом 1862 года крестьяне не желали принимать земель-

ный надел по уставной грамоте и с ожесточением говорили представителям властей: «Что вы нас замучили, нам жить нельзя». Под влиянием эмоций несколько крестьян даже после наказания розгами не подчинились требованиям закона и были отправлены в тюремный замок (РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 42. Лл. 143, 145).

Высокий эмоциональный уровень приводил к спонтанности многих крестьянских выступлений. Они возникали без планирования и подготовки крестьянами своих действий. Так, саратовский вице-губернатор Е. А. Куровский отмечал, что крестьяне с. Нижней Елюзани Кузнецкого уезда при взыскании с них долгов и казенных сборов 1 апреля 1884 года оказали сопротивление и оскорбили судебного пристава «единственно потому, что жители этого села, татары, всегда отличались и отличаются буйным характером» (Крестьянское... 1960: 378).

Стихийность, хотя и не позволяла успешно бороться с организованными силами государства, придавала крестьянскому движению значительный размах. Стихийный элемент показывал развитие массового сознания. Крестьяне теряли веру в существующие порядки, начинали понимать необходимость коллективной борьбы за свои интересы.

Крестьянские выступления происходили по типичному сценарию. Обращение к традиционным методам борьбы исходило из реальных сил и возможностей крестьянства. Модель крестьянского поведения включала в себя апелляции крестьян к властям и судебным инстанциям, попытки фактически решить спорные вопросы в свою пользу, борьбу с теми, кто пытается этому препятствовать, проигрыш и отступление в своих требованиях. Иногда такая схема действий повторялась несколько раз. На место арестованного ходока выбирался другой крестьянин, и выступление начиналось снова. Так было в с. Зубовка Царевского уезда Астраханской губернии, в с. Романовка Балашовского уезда и в с. Жирное Камышинского уезда Саратовской губернии, в Сухо-Карабулакской волости Саратовского уезда и др.

Шаблоны деятельности в крестьянском движении частично заимствовались из практики общинной жизни. Например, использование крестьянами сходов и приговоров для организации борьбы происходило потому, что эти инструменты доказали свою эффективность в решении повседневных дел общины. Кроме того, для

формирования шаблонов был важен опыт прошлых выступлений в своем селении, в округе, а также сведения о крупных восстаниях крестьянства.

Поскольку крестьяне вместе решали общие задачи, они начинали полагаться друг на друга. У них развивалось чувство взаимной ответственности. Выступления делали границы группового членства еще более строгими, позиции каждого в них уделялось пристальное внимание. В обычных делах «мира» крестьяне терпимо относились к несогласию членов общины с коллективным решением. Так, в с. Житное Астраханского уезда часть крестьян отказалась подписать приветственный адрес в пользу губернатора. Однако по отношению к ним не было угроз и насилия со стороны односельчан, только крестьянину И. Астафьеву они высказали: «Ты никогда не соглашаешься с миром, всегда нам перечишь» (ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 41. Д. 7. Ч. 2. Л. 36).

Другая картина наблюдается в крестьянском движении, когда стремления его участников складывались в систему взаимных ожиданий-требований и устанавливались процедуры для приведения к порядку тех, кто отклонялся от общепринятых норм поведения. Так, крестьянин Горин обманывал крестьян с. Владыкино Балашовского уезда Саратовской губернии, которые в 1902 году вели борьбу за землю. Конфликт с ним вылился в поножовщину, и его исключили из общества (ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 108. Лл. 129–130).

Строго наказывались крестьяне, по вине которых участники выступлений попадали в руки правосудия. В 1864 году в Благовещенской волости Балашовского уезда притесняли свидетелей, давших показания по делу о беспорядках (ГА РФ. Ф. 109. 4 эксп. Оп. 204. Д. 198. Л. 22 об.). За сообщение сведений о причастности крестьян к революционной организации 26 сентября 1902 года у крестьянина с. Боцманово указанного уезда Назарова сожгли все имущество (ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 108. Л. 174).

Поведение крестьян, не поддерживавших выступление однообщественников, расценивалось «миром» как предательское. По отношению к ним применялись угрозы, физическое воздействие, травля в повседневной жизни. Особо неугодных членов «мира» крестьяне наказывали с помощью поджогов. В конце XIX века в Аткарском уезде было произведено четыре поджога имущества сельских старост и волостных старшин, отличавшихся рвением при

сборе недоимок (РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 310. Лл. 57). В сентябре 1902 года за доносы крестьяне с. Спасско-Александровское Петровского уезда подожгли двор старосты и хозяйственные постройки полицейского урядника (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1220. Л. 5 об.).

Тем, кто исполнял волю «мира» даже в ущерб себе, невзирая на розги, штрафы, аресты, оказывалось уважение. Пренебрегшим интересами общины крестьянам доставались презрение, осуждение, насмешки, что в замкнутом крестьянском мире было пострашнее физического воздействия.

Важное влияние на ход выступлений оказывали крестьянские вожаки. В официальной документации крестьянских предводителей чаще называют «зачинщиками», «подстрекателями», «наиболее упорствующими крестьянами».

По большей части крестьянские вожаки являлись не лидерами, а выразителями интересов «мира», толкователями законоположений и распространителями слухов. Они предпринимали ходатайства, собирали средства, подавали прошения, иногда побуждали крестьян к неповиновению или сами оказывали активное сопротивление распоряжениям властей. Однако жожакам не было свойственно прямое управление социальной борьбой, что свидетельствует об их значительной зависимости от «мира». «Зачинщики» выступлений скорее сами были руководимы общиной, чем руководили ею.

Мотивация деятельности крестьянских жожаков подтверждает их низкую самостоятельность. Среди мотивов активного участия крестьян в социальном протесте преобладало желание защитить общие интересы. Так, жожак крестьян с. Турков Балашовского уезда Саратовской губернии М. Беяков в прошении к графу М. Т. Лорис-Меликову объяснял свои действия стремлением добиться выгодных условий размежевания для общества (РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 20. Л. 52).

Некоторые жожаки, втягивая крестьян в борьбу, преследовали при этом личные цели. В частности, в 1879 году крестьянин Царевского уезда Астраханской губернии Сильченко стремился взять на себя ходатайство о прибавке земли для получения выгоды, но общество не доверило ему ведение этого дела (ГААО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 409. Л. 18). Подобные факты в советской историографии либо умалчивались, либо трактовались как попытки очернить деятель-

ность крестьянских вожаков. Между тем чиновники отмечали, что «в большинстве случаев поверенными от обществ избираются неграмотные крестьяне и мироеды, домогающиеся этого звания из корыстных видов, или по дошедшей очереди отбывать какие-либо выборы» (ГААО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 409. Л. 35).

Часть крестьянских вожаков стремилась нажиться на ведении сомнительных дел о прибавке земли, переселении и пр. На ходатайство община выделяла немалые суммы, и можно было поправить хозяйство, а то и прожить годами в городе за чужой счет. Например, ходатай из с. Усовка Саратовского уезда Разживин жил в столице на общественные деньги, время от времени обещая своим доверителям решение дела о перераспределении земли в их пользу (ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1883 г. Д. 387. Л. 40–41). Свою выгоду в ведении тяжб преследовали содержатели питейных заведений, сочинители прошений и жалоб, мелкие служащие. Однако, по свидетельству астраханского губернского прокурора, ходоки из крестьян лучше знали свои общества, и им было легче выманывать у них средства (ГААО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 409. Л. 42 об.).

Получив отказ на просьбу или жалобу, ходоки нередко старались убедить доверителей в успехе дела при вторичном ходатайстве. Иногда обман вожаков был очевиден, но крестьяне продолжали им доверять. Так, в 1900 году один из двух ходоков общества с. Кадыковка Вольского уезда после возвращения из Саратова объявил, что спорная земля принадлежит «миру». Другой ходок утверждал обратное, но ему не поверили (ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 108. Лл. 101 об. – 102).

Обстоятельства выдвигали в руководители пореформенного крестьянского движения представителей разных социальных групп. Временные и бессрочноотпускные солдаты и унтер-офицеры становились во главе девяти крестьянских выступлений в Нижнем Поволжье. Они пользовались доверием крестьян, так как многие из них служили в городах и, по мнению односельчан, обладали достоверными сведениями о реформах, законах, деятельности властей. Так, автором прошений крестьян с. Романовка Балашовского уезда Саратовской губернии был отставной солдат А. Ярошов (Крестьянское... 1964: 481), а в качестве толкователя слухов о переделе земли в с. Вязовка Саратовского уезда выступил отставной солдат К. Д. Выводов (Крестьянское... 1968: 244).

В роли подстрекателей крестьянства к возмущению могли выступать разночинцы. Они сами обращались к сельским обществам, предлагая свою помощь в отстаивании их интересов за вознаграждение. В частности, в 1865 году сопротивление крестьян с. Песковатка Царицынского уезда Саратовской губернии принятию уставной грамоты было спровоцировано неоднократно судимым отставным писцом Мальцевым (ГАВО. Ф. И-242. Оп. 1. Д. 216. Л. 5).

Во главе социальной борьбы крестьянства чаще всего становились представители этой же общественной группы, иногда вместе с должностными лицами крестьянского самоуправления.

Коллективизм и уравнилельные начала общины не способствовали появлению в ней ярких лидеров. Слабость вожаков крестьянского движения определялась также тем, что наиболее способные крестьяне реализовывали свой потенциал в хозяйственной деятельности, а защитой интересов «мира» занимались часто те, кто терпел неудачу в сельском хозяйстве. Для них социальный протест являлся возможностью повысить свой авторитет в обществе. Тем не менее непрерывная борьба за улучшение условий жизни выделяла из среды общинников опытных и авторитетных людей. Функция защиты «мирских» интересов нередко закреплялась за несколькими лицами в силу их грамотности, активности, умения ориентироваться в городской среде, готовности пострадать за общество. Во время выступлений они выдвигались на первый план, но были слабыми организаторами. Вожаки представляли собой силу, действуя вместе с крестьянской массой, формулируя и озвучивая ее требования.

Эффективным способом пресечения деятельности крестьянских вожаков был арест. В отрыве от массы они теряли лидерские позиции в крестьянских обществах. Для снижения авторитета зачинщиков также применялось телесное наказание. Наказанный крестьянин лишался права участвовать в сельских сходах и не мог выбираться на общественные должности.

В случаях значительного влияния вожаков на крестьян власти высылали их в другие районы страны. В Нижнем Поволжье такое наказание использовалось не менее шести раз (не считая случаев высылки крестьян-революционеров). Например, братья Г. и П. Ополченковы были высланы в Вологодскую губернию, так как им в 1890-х годах удалось убедить 34 крестьянских общества Сердоб-

ского уезда Саратовской губернии добиваться переселения в Сибирь (ГА РФ. Ф. 102. 5 д-во. 1892 г. Д. 199).

Значение вожаков для развития крестьянского движения трудно переоценить. Они подавали пример настойчивости при отстаивании общих интересов, вносили в выступления элементы организованности. Выступления, где имелись руководители, отличались длительностью и упорством. Для их подавления власти чаще были вынуждены применять военную силу.

Члены одной общины чувствовали сопричастность к положению других крестьянских групп. В Нижнем Поволжье в пореформенный период нами отмечено 26 случаев, когда выступления в отдельных селениях оказывали серьезное влияние на положение дел в других селах и деревнях. Оно выражалось в усилении волнений в местности, в подражании действиям, в восстановлении порядка на значительной территории после подавления выступления в одном селении. Даже не принимающие участия в социальном протесте общины сочувственно относились к борьбе других крестьянских групп. Так, в апреле 1891 года крестьяне с. Сухой Карабулак Саратовского уезда, оказывая сопротивление военной команде, посылали гонцов за поддержкой в с. Тепловка и с. Ивановка, где им обещали выйти на помощь (ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1891 г. Д. 66. Ч. 7. Л. 6 об.).

В ходе социальной борьбы общины объединяли усилия. В Астраханской и Саратовской губерниях нами выявлено 33 совместных выступления, в которых участвовали крестьяне от 2 до 11 селений. Большинство таких выступлений произошло в 1860-х годах, когда сохранялось социально-психологическое единство крестьян, до освобождения принадлежавших одному помещику.

Важной характеристикой крестьянского движения являлся уровень насилия. По этому показателю можно судить о настроениях в деревне, о противоречиях между крестьянством и властями, крестьянством и помещиками.

Согласно нашим подсчетам, не менее 152 выступлений крестьян Саратовской и Астраханской губерний в 1861–1904 годах было подавлено с помощью воинских команд, что составляет 32 % от их общего количества. В хронике, составленной авторами серии сборников документов «Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века» под руководством академика Н. М. Дружинина, Саратовской и Астраханской губерниям посвящено 155 статей, в более

чем половине которых говорится о введении воинских команд. Разница в подсчетах объясняется наличием в хронике значительно-го числа выступлений, в которых участвовали крестьяне нескольких селений.

Источником насилия в деревне были не только власти, но и крестьяне. Большинство крестьянских волнений представляло собой неповиновение, из 296 случаев лишь 25 связаны с проявлениями насилия со стороны крестьян. Крестьяне применяли насилие против полиции, военных команд, представителей местной власти, а также против помещиков и их служащих. Такие действия свидетельствовали не о намерении оказать сопротивление воинской команде или чинам полиции, а скорее об эмоциональном состоянии крестьян. В большинстве случаев они осознавали бессилие перед вооруженными солдатами и терпеливо переносили наказание.

Неоднократно крестьяне пытались смягчить наказание, делая вид, что отступают от своих требований или встречая войска хлебом-солью. Однако как в первые пореформенные годы, так и вплоть до революции 1905–1907 годов уровень насилия со стороны властей оставался высоким. Воинские команды придавали больший авторитет власти. В отсутствие войск телесные наказания широко применялись мировыми посредниками, исправниками, земскими начальниками, должностными лицами крестьянского самоуправления.

С 90-х годов XIX века уровень насилия со стороны крестьян заметно вырос. В Нижнем Поволжье участились случаи избиений помещиков и их служащих, произошло несколько покушений на жизнь землевладельцев. Начальник саратовского губернского жандармского управления отмечал в донесении за 1900 год, что «за последние 5–6 лет стали часто повторяться в Саратовской губернии, и преимущественно в Балашовском уезде, рабочие и крестьянские беспорядки, направленные против помещиков и крупных земельных собственников. Общей чертой всех этих беспорядков является наглая дерзость крестьян, сознающих свою грубую массовую силу...» (ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1900 г. Д. 1. Ч. 3. Лит. В. Л. 32 об.). С помощью насилия крестьянам удавалось добиться своих целей: многие помещики в конце XIX – начале XX века продавали свои имения и уезжали, другие шли на уступки крестьянскому «миру».

В пореформенный период часть нижеволжского крестьянства изменила свое отношение к насилию. Из крайнего средства защиты

оно превратилось в средство нападения. Христианские ценности «не убий», «не укради» и пр. стали менее значимы для многих молодых крестьян. У них выработалось убеждение в эффективности насилия для отстаивания своих интересов. Это послужило важной предпосылкой усиления аграрных волнений в Нижнем Поволжье в период революции 1905–1907 годов.

В начале XX века по Саратовской губернии прокатилась волна крестьянских выступлений. Крестьяне часто действовали по примеру соседних селений, а иногда, что очень важно, ссылались на беспорядки 1902 года в Полтавской и Харьковской губерниях (ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 Д. 108. Лл. 25 об. – 26, 28). Это говорит о начале формирования психологической готовности всего крестьянства к совместным действиям.

Социальная психология крестьянства имела свои особенности: противоречивое сочетание коллективного и индивидуального начал, высокий уровень терпеливости, миролюбие и наряду с этим недоверие к чужакам, наивность и эмоциональность представителей данной общественной группы. Выступления являлись для него ситуацией кризиса, в которой важную роль играли социально-психологические факторы. В критических условиях такие черты психологии крестьян, как коллективизм, приоритет общих интересов над частными, ингрупповой фаворитизм, выходили на первый план. В ходе выступлений в полной мере проявлялись отношения сотрудничества, взаимопомощи и взаимной ответственности, усиливалось давление группы на личность крестьянина.

Социальная борьба оказывала важное воздействие на крестьянскую психологию. Подтверждением этому служит рост в пореформенный период организованности и сознательности выступлений крестьян Нижнего Поволжья. К началу XX века они стали стремиться к объединению усилий с соседними общинами, более осознанно использовали насилие для защиты своих интересов.

Литература

Бабиков, И. И. 1954. *Крестьянское движение в Саратовской губернии накануне первой русской революции (1890–1904 гг.)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Бокарев, Ю. П. 1996. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях). *Менталитет и аграрное развитие*

России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. М.: РОССПЭН, с. 167–172.

Булдаков, В. П. 1997. *Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН.

Буховец, О. Г. 1996. *Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты*. М.: Мосгорархив.

Воробьев, Е. П. 2002. *Крестьянское движение в Нижнем Поволжье в 1861–1904 гг.*: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Гринин, Л. Е. 2012. Государство и социально-политический кризис в процессе модернизации. *Историческая психология и социология истории* 5(2): 77–106.

Гусятников, П. С. 1959. *Назревание революционного кризиса в России в начале XX века*. М.: Соцэкгиз.

Зайончковский, П. А. 1968. *Отмена крепостного права*. М.: Просвещение.

Кабытов, П. С., Козлов, В. А., Литвак, Б. Г. 1988. *Русское крестьянство: этапы духовного освобождения*. М.: Мысль.

Коротчаев, А. В., Зинькина, Ю. В. 2011. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.

Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. 1964. М.: Соцэкгиз.

Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. 1968. М.: Наука.

Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг. 1960. М.: Соцэкгиз.

Назаретян, А. П.

2005. *Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании*. М.: Академия.

2015. *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. М.: Аргамак-Медиа.

Найденов, М. Е. 1955. *Классовая борьба в пореформенной деревне (1861–1863 гг.)*. М.: Госполитиздат.

Ниякий, В. В. 1981. *Нижегородская деревня. Облик и настроения классов в первой российской революции*. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во.

Поршнев, Б. Ф.

1979. *Социальная психология и история*. М.: Наука.

1964. *Феодализм и народные массы*. М.: Наука.

Сенчакова, Л. Т. 1989. *Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг.* М.: Наука.

Сухова, О. А. 2008. *Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья*. М.: РОССПЭН.

Фурсов, В. Н. 1984. *Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60–70-е годы XIX века (Социально-психологические аспекты)*. Воронеж: ВГУ.

Хамитбаева, Н. С. 1985. *Социально-экономическая характеристика Среднего Поволжья в 60–90-е гг. XIX в. (население и хозяйственная конъюнктура)*: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев.

Шульц, Э. Э. 2014. Причины революций: «голова или кошелек»? *Историческая психология и социология истории* 7(1): 102–119.

Янель, З. К. 1980. Оценка стихийности в крестьянском движении. *Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: материалы XVII Симпозиума по изучению проблем аграрной истории*. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, с. 148–151.

Davis, J. 1969 *Toward a Theory of Revolution. Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective*. N. Y.: Free Press, pp. 85–108.

Goldstone, J. 2002 *Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. Journal of International Affairs* 56(1): 11–12.

Архивы:

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

РГИА – Российский государственный исторический архив.